

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
КРАСНОЯРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ.

№ инвентаря.	№ систематического каталога.	Мѣсто кни. и.
441	$\frac{14}{3}$	$\frac{2}{38}$

463

УЧЕБНИКЪ

~~24
3.~~
8. OKT. 1917

ПРАКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ,

ИЗЛОЖЕННЫЙ ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ РАЗБОРУ ОБРАЗЦОВЪ
СЛОВЕСНОСТИ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

И. С. Боровскій.

60к
725к
85к

ПРОВЕРЕНО
1949 г.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Красноярского
Университета
№ 27187

Пр. 20142

Съ требованіями на всѣ
книжки ноты можно обра-
щаться въ Сибирскій
Книжный магазинъ
Михайлова и Якушкина
въ г. Томскѣ
Цѣна петербургскія
Валюты 20 ч.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія (бывш.) А. М. Нотомина, у Обуховск. м., № 93.
1881.

ПРОВЕРЕНО
1937-38, 193

ПРОВЕРЕНО
20.16 г.

ПРОВЕРЕН
1949 г. 56

14
3.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый «Учебникъ практической Логики» заключаетъ въ себѣ особенности, относительно которыхъ считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, чтобы предупредить возможность какого-либо недоразумѣнія.

Изъ §§ 19—24 читатель увидитъ, что въ процессѣ мышленія весьма важное значеніе мы приписываемъ волѣ, какъ такому психическому элементу данного процесса, безъ котораго становится невозможнымъ самый фактъ мышленія. Участіе воли въ актахъ сознанія не всегда проявляется въ одинаковой степени ея активности, что опредѣляетъ, такъ сказать, и разныя ступени въ развитіи процесса мышленія.

Благодаря волѣ, я, при обсужденіи извѣстнаго предмета, остаюсь свободнымъ отъ порабощенія безконечнымъ ходомъ механическихъ ассоціацій памяти: она помогаетъ мнѣ вытѣснить изъ сознанія тѣ представленія, которыя не могутъ служить къ выясненію интересующаго меня вопроса, какъ нарушителей стройности моей данной психической работы. Прерывая же одинъ рядъ представленій, я тѣмъ самымъ открываю возможность движенія на сцену моего сознанія новыхъ и новыхъ рядовъ представленій, пока мнѣ не удастся уловить именно тотъ рядъ, какой требуется для рѣшенія поставленной задачи. *Строгость плана* въ подборѣ представленій—вотъ *первый* результатъ въ процессѣ моей мысли, производимый дѣйствіемъ воли.

Благодаря воле, я воздерживаюсь от увлеченія первой повернувшейся механической ассоціаціей представленій, которую даетъ мнѣ память, какъ отвѣтъ на вопросъ, подлежащій моему выясненію: я терпѣливо выжидаю, пока по сценѣ моего сознанія не пройдутъ, по возможности, всѣ ряды представленій, относящіяся къ вопросу, изъ которыхъ я, *послѣ строгой проверки фактами и анализомъ понятія*, останавливаюсь на рядѣ представленій, какой лучше, по моему признанію, выясняетъ данную задачу. Примѣръ. Ученый ставитъ вопросъ: что такое морскіе приливы и отливы? Приливы и отливы, по ассоціаціи сходства, возбуждаютъ въ его сознаніи представленіе о колебаніи жидкости въ сосудѣ, когда она поднимается съ одной стороны сосуда на столько, на сколько опускается съ другой. Прійди такое сопоставленіе по сходству въ голову человѣка логически—невоспитаннаго, при его мысли о морскихъ правилахъ и отливахъ, то онъ, конечно, принялъ-бы эту ассоціацію сходства за окончательный и безспорный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Такъ: видитъ первобытный человѣкъ молнію, которая своими зигзагами напоминаетъ змѣю, ея извилистыя движенія, и онъ, не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла, успокаивается на первой ассоціаціи сходства и безъ колебанія говоритъ: молнія—это змѣя, ползающая по небу. Ученый же не довѣряетъ авторитету памяти; онъ обращается къ природѣ, собираетъ тамъ справки, и факты, дѣйствительно, говорятъ ему, что память часто беретъ на себя учить насъ тому, чего сама не знаетъ; онъ узнаетъ, что приливы на берегахъ Флориды въ Америкѣ и на противоположныхъ берегахъ Испаніи и Африки бываютъ одновременно. Ясно, что въ этомъ процессѣ мысли воля выступаетъ съ большею степенью своей энергіи, активности, нежели въ первомъ случаѣ. Тамъ память *можетъ* имѣть для моего сознанія значеніе почти безусловнаго авторитета: господство ея было ограничиваемо тамъ моею волею только съ той стороны, что я могъ вытѣснять изъ сознанія ряды не нужныхъ для меня представленій и брать изъ нихъ тѣ, которые служили къ разъясненію занимающаго меня вопроса. Но, поставивъ передъ собою вопросъ, я могу, при механическомъ ходѣ черезъ

мое сознание представленіи памяти, увлечся первой же болѣе или менѣе свѣжей и яркой ассоціаціей и считать ее за окончательное рѣшеніе моей задачи. Спустя не много времени попадаетея мнѣ иная ассоціація, относящаяся къ тому же вопросу; она можетъ ярче освѣщаться моимъ сознаниемъ, чѣмъ прежняя, какъ болѣе новая, свѣжая, и я теперь начинаю думать о данномъ предметѣ совершенно не то, что я думалъ о немъ назадъ нѣсколько дней, даже нѣсколько часовъ. Сегодня утромъ, напр. прочиталъ *x* трактатъ о преимуществахъ классическаго образованія предъ реальнымъ и пришелъ въ полное умиленіе отъ мысли о неземныхъ идеалахъ классической системы воспитанія; а вотъ теперь вечеромъ, подъ вліяніемъ бойкой бесѣды своего уважаемаго пріятеля, тотъ же *x* начинаетъ поносить, на чемъ свѣтъ стоитъ, ту же систему классическаго воспитанія. Такое колебаніе во взглядахъ этого *x* доходитъ до смѣшнаго: нрѣдко бываетъ, что онъ думаетъ и говорить со словъ послѣдняго прочитаннаго имъ нумера той или другой газеты; что онъ лучше помнитъ,—а, понятно, помнитъ онъ лучше, по преимуществу, то, что сегодня утромъ прочиталъ,—то для него представляется и наиболѣе *убѣдительнымъ*, т. е. *вѣрнымъ*, *безспорнымъ*.

Было-бы, однакоже, крайне обидною несправедливостію для нашего *x*, если бы мы сказали, что онъ, такъ легко мѣняющій свои мнѣнія, неспособенъ къ твердымъ, *завѣтнымъ* для него убѣжденіямъ. Напротивъ, мысль его, чуждая всякой критики, исповѣдующая догматы непогрѣшимости памяти, часто располагаетъ такими понятіями, прочности которыхъ не могутъ поколебать въ ней никакія небесныя и земныя силы. Какъ ни странно на первый взглядъ такое обстоятельство, тѣмъ не менѣе это фактъ безспорный и притомъ легко объяснимый: онъ представляетъ видъ лишь кажущагося противорѣчія. И наивно—дѣтская подвижность мнѣній, и часто доходящая до степени фанатизма твердость понятій—въ этомъ случаѣ суть продукты одной и той же дѣйствующей, психической причины. Укажемъ факты. Если я своему ребенку стану и словомъ, и дѣломъ настойчиво внушать мысль, что крестьянинъ—тотъ же скотъ, неспособный чувствовать ни обиды, ни радости, если я въ то же время упот-

реблю систему воспитанія, которая остановила-бы развитіе его лиш на низшей ступени мышленія, гдѣ оно совершенно чуждо всякой самостоятельной критики, то, безъ сомнѣнія, я приготавливаю изъ него въ этомъ случаѣ вторую г-жу Простакову въ ея отношеніяхъ къ злополучнымъ Палашкамъ, Еремѣевнамъ и проч. Ассоціація представленій—простонародія и грубой безчувственности,—повторяясь миллионы разъ въ его сознаніи и не встрѣчая себѣ противодѣйствія ни въ примѣрахъ окружающей жизни, ни въ протестѣ строго анализирующей мысли, такъ сильно можетъ укорениться въ его памяти, когда онъ достигнетъ зрѣлаго возраста, что всякое иное понятіе о томъ же предметѣ можетъ возбудить въ немъ только удивленіе и смѣхъ. Вспомнимъ, съ какимъ фанатизмомъ средневѣковые схоластики, затвердившіе птоломеевскую систему, отнеслись къ новому ученію о вращеніи земли вокругъ солнца. Еще примѣръ: у нашего часто легковѣрнаго *x* заболѣваетъ дитя. Зоветъ онъ тотчасъ [доктора. Докторъ принимается лѣчить больного, но толку, къ несчастію, выходитъ мало,—по упрямству-ли болѣзни, или по малоопытности врача,—это уже не наше дѣло. Попробуйте же теперь заявить отъ себя этому самому *x*, что медицина—наука, что она располагаетъ многими точными знаніями, что она имѣетъ свою громадную будущность. «Знаемъ мы прекрасно эту вашу хваленую науку», — отвѣтитъ онъ вамъ, совершенно игнорируя всѣ очевиднѣйшіе доводы защищаемого вами понятія о медицинѣ; ассоціація представленій—медицина и скудость медицинскихъ познаній—совершенно поработаютъ всю его мысль: какъ только является въ его сзнаніи представленіе медицины, такъ непреодолимо тянется рядомъ съ нимъ и представленіе роковаго опыта прошлаго—неудачнаго лѣченія его дитяти. Прочная ассоціація въ этомъ случаѣ образовалась не численностію представленій, а силою одного глубоко подѣйствовавшаго на человѣка роковаго представленія. Понятно, что всѣ указанные факты можно подвести къ одному объясненію. Признавая надъ собою полный авторитетъ памяти, я считаю наиболѣе *убѣдительнымъ* и *достовернымъ* то, что настойчивѣе и отчетливѣе подсказываетъ мнѣ эта память. Яркость же представленій, оживляемыхъ памятью, можетъ происходить отъ разныхъ условій: 1)

отъ свѣжести и новизны представленія, которымъ я на время могу увлечься, *если ему нѣтъ у меня отпора со стороны прежнихъ заветныхъ представлений*; 2) отъ частой повторяемости въ моемъ сознаниі однихъ и тѣхъ же представлений; 3) отъ чрезвычайной силы, съ которой почему—либо дѣйствуютъ нныя представленія на мою душу.

Ясно отсюда, что то воздѣйствіе воли на продукты памяти, которое опредѣляетъ только единство плана въ подборѣ представлений, еще не гарантируетъ насъ въ достиженіи твердаго, логически—состоятельнаго знанія; оно составляетъ лишь необходимую черту въ процессѣ мышленія, силою котораго мы достигаемъ научныхъ знаній, но само по себѣ не производитъ еще того, что мы должны называть мышленіемъ. Последнее появляется только тогда, когда сознание мое, при содѣйствіи воли, воздерживается отъ порабощенія первой ассоціаціей представлений, подставленной мнѣ памятью, и становится въ строго критическое отношеніе и къ механическимъ продуктамъ памяти, и къ природѣ обсуждаемаго факта. Такъ об. *осторожность сознаниа въ выборѣ механическихъ ассоціацій*, подставляемыхъ памятью для рѣшенія того или другаго вопроса—вотъ *второй* результатъ въ процессѣ моей мысли, производимый дѣйствіемъ воли.

Наконецъ, *благодаря воли*, я, при строго научномъ обсужденіи какаго-либо предмета, нахожу себя способнымъ отрѣшиться вообще отъ привычныхъ ассоціацій памяти, когда сознание мое признаетъ всякую готовую, сложившуюся ассоціацію за ложную, не соответствующую природѣ обсуждаемаго факта,—и при помощи воображенія создать новую, оригинальную связь представлений, которую память нерѣдко отказывается подтвердить примѣрами всего прошлаго своего опыта. Допустимъ, напр. что крѣпостное право существуетъ повсемѣстно. Память настойчиво будетъ мнѣ говорить: «крѣпостное право вездѣ; ergo, оно необходимо.» Но я силою воли могу отвлечься отъ затвержденной теоріи памяти и создать въ своемъ воображеніи идеальныя общественныя отношенія, гдѣ крестьянинъ будетъ мыслиться мною также свободнымъ, какъ и всякій свободный дворянинъ. Отсюда: *построеніе въ моемъ воображеніи новыхъ, оригинальныхъ ассо-*

ціацій представлений—вотъ *третій, высшій* результатъ въ процессѣ моей мысли, производимый дѣйствіемъ воли.

Такимъ образомъ, воля есть такой психическій элементъ въ актахъ сознанія, силою котораго мышленіе и зарождается въ насъ, и доводится до послѣдней степени своего развитія, достигаетъ способности творчества высочайшихъ идеаловъ, которымъ иногда не соотвѣтствуютъ указанія прошлаго историческаго опыта, — не соотвѣтствуетъ все то, что подсказываетъ человѣку его память. Это послѣднее обстоятельство, на первый взглядъ, какъ будто ведетъ къ заключенію, что мысль моя можетъ совершенно отрѣшиться отъ почвы фактовъ, что можетъ представить то, чему нѣтъ никакихъ основаній въ моемъ прошломъ опытѣ, словомъ, что я *воленъ* думать, какъ хочу думать по безусловному произволу, а не какъ мнѣ думается, не какъ я необходимо долженъ думать, въ связи со всей суммой моихъ прошлыхъ впечатлѣній. Было-бы совершенною несправедливостію, по отношенію къ обсуждаемому факту, если-бы мы, дѣйствительно, давали въ процессѣ мышленія значеніе волѣ въ смыслѣ безусловно-произвольнаго сочетанія представлений, не соотвѣтствующаго природѣ познаваемаго объекта. «Кажется, нѣтъ ничего произвольнѣе разсудка, говоритъ Д. С. Милль: какъ иногда не бываетъ не желательно его рѣшеніе, но оно неотразимо стоитъ предъ нашими глазами». Дѣйствительно, не смотря ни на какія усилія, я не могу, напр., мыслить, чтобы часть была больше своего цѣлаго, чтобы прямая линія могла образовать кругъ, чтобы $2+2$ давали въ результатѣ 3 или 5, а не 4, или мыслить бѣлизну, какъ теплоту или сладость. Все мышленіе мое есть продуктъ опыта и совершенно. безсильно отрѣшиться отъ его почвы. Поэтому, оно не можетъ быть и мыслимо съ признакомъ произвола, тѣмъ именно признакомъ, которымъ еще Кантъ и его послѣдователи отличали *верхнее* (произвольное) теченіе мыслей отъ *нижняго* (*oberer und unterer Gedankenlauf*).

Что же такое воля въ процессѣ мышленія? Можно ли здѣсь дать ей ту роль, какая приписывается ей въ сферѣ нравственныхъ дѣяній человѣка, какъ самоопредѣляющему началу въ томъ или другомъ практически-нравственномъ его тактѣ? Никакъ. Терминомъ воли мы толь-

ко обозначили понятіе *навыка, пріема* нашего сознанія, благодаря которому (навыку) оно способно освобождаться отъ порабощенія механически-слагающимися, привычными ассоціаціями представленій и останавливать всю энергію свою на обсуждаемомъ фактѣ, чтобы тщательнымъ критическимъ анализомъ изслѣдовать природу этого послѣдняго и, такимъ образомъ, провѣрить, и, если нужно, исправить, по руководству научнаго опыта, всѣ недостатки, всю фальшь уже готово въ памяти сужденія о немъ. Ясно, что здѣсь мысль моя не только не отрывается отъ познаваемаго факта, но собственно вся она и утверждается на почвѣ этого факта, чтобы здѣсь расти, крѣпнуть и постепенно достигать полной логической зрѣлости. Такой навыкъ сознанія вырабатывается не только вліяніемъ единичнаго воспитанія, но также характеромъ мысли цѣлаго народа, даже подъ вліяніемъ манеры мышленія иногда длиннаго ряда смѣняющихся поколѣній. Онъ становится затѣмъ моею потребностію, и неслѣдованіе ему сопровождается во мнѣ постояннымъ тревожнымъ чувствомъ внутренняго недовольства, которое настойчиво вызываетъ меня на критику готовыхъ понятій, на научный анализъ изслѣдуемаго факта. Допустимъ, напр., что у меня и силою моего личнаго воспитанія, и примѣромъ господствующаго мышленія того общества, гдѣ я живу, выработалась манера сознанія принимать всякое знаніе не иначе, какъ только въ видѣ строго-логическаго вывода изъ анализа того или другаго изучаемаго предмета. Эта манера дѣлается моею второю природою и естественно примѣняется и къ тѣмъ привычнымъ, готовымъ знаніямъ, которыя механически сложились во мнѣ процессомъ памяти. Возьмемъ тотъ-же примѣръ; память говоритъ мнѣ: «Крѣпостное право вездѣ; поэтому оно необходимо». А почему же оно необходимо? спрашиваетъ мое критическое сознаніе. Для чего оно и что хорошаго оно даетъ намъ? Не въ немъ-ли, напротивъ, причина безконечнаго ряда золъ и въ нравственномъ, и въ соціально-экономическомъ отношеніяхъ? Далѣе: возможны ли эти явленія при иномъ общественномъ строѣ—при нормальномъ распредѣленіи труда, при свободномъ положеніи крестьянина. Послѣдній вопросъ вызываетъ мое воображеніе представить крестьянина свободнымъ, а помѣщика—вынужденнымъ къ труду, и воображеніе, дѣй-

тѣмъ самымъ для преподавателя логики, — онъ же и преподаватель словесности, — мы открываемъ возможность тѣснѣйшаго сближенія между уроками логики и разборомъ образцовъ словесности. Сближеніе же это представляетъ величайшую важность въ школьно-практическомъ отношеніи: отъ него разомъ выигрываютъ въ глазахъ воспитанника и словесность, и логика, какъ учебные предметы. Первая выигрываетъ въ убѣдительности, доказательности изложенія своего учебнаго матеріала: факты ея начинаютъ получать научное разъясненіе тамъ, гдѣ преподаватель иногда отговаривается теперь предъ учениками общими, безсодержательными словами: «естественно, легко» и проч. Рѣчь, напр. идетъ теперь о народныхъ сказкахъ. Преподаватель предлагаетъ ученикамъ объясненіе ихъ въ такомъ родѣ: «въ народныхъ сказкахъ изображается, большею частію, природа такую, какою казалась она фантазіи первобытнаго человѣка. По своей неразвитости, первобытный человѣкъ не могъ научнымъ образомъ объяснить явленій окружающаго міра, и послѣднія, *естественно*, представлялись ему въ видѣ таинственныхъ, фантастическихъ существъ», и т. д. При такомъ способѣ объясненія не только продукты воображенія являются фантастическими, но самое понятіе «фантазіи» получаетъ въ глазахъ ученика видъ чего-то неуловимаго, таинственнаго, непонятнаго. Почему народная мысль при объясненіи явленій окружающаго міра обращалась къ содѣйствію именно фантазіи? Почему фантазія избирала именно *эти* сказочные образы, а не какіе-либо другіе? и т. д. Вопросы эти, легко возникающіе въ головѣ воспитанника, изучающаго вопросъ о народныхъ сказкахъ, остаются безъ всякаго разрѣшенія. Еще: разбирается стихотвореніе «Лѣсъ», Кольцова. Преподаватель, слѣдуя учебному руководству, говоритъ: «При видѣ того, кто еще такъ недавно прельщалъ всѣхъ красотой и силой, *очень естественно* вопросъ, куда же дѣлось все это — «рѣчь высокая, сила гордая, доблесть царская»; *очень естественно* вспомнить то счастливое время, или лучше сказать, *неестественно было-бы не вспомнить*». «Почему же *«естественно»*? спросить воспитанникъ. — Ну, да это всякому по личному опыту извѣстно и безъ объясненій, отвѣтять ему. Полагаемъ, что такое объясненіе не можетъ быть признано научнымъ,

доказательнымъ, какъ не научно поступилъ-бы преподаватель физиологiи, если-бы доказывалъ своимъ слушателямъ важность процесса дыханiя только указанiемъ на тотъ фактъ, всякому извѣстный, что безъ воздуха умираютъ и человекъ, и животныя. Разъ же учебный материалъ наполовину не понятъ ученикомъ, онъ непремѣнно теряетъ для него и половину своего интереса. Есть и другая, если хотите, болѣе острая сторона въ указанномъ обстоятельстве: допуская въ классъ такiя общiя, бездоказательныя объясненiя, мы тѣмъ самымъ можемъ воспитать въ ученикѣ манеру обращаться къ словамъ— «легко, естественно», какъ къ дѣйствительнымъ средствамъ научнаго, логическаго доказательства.

Наконецъ, сближенiе Логики и словесности можетъ благотѣльно отозваться и на самой Логикѣ, какъ классномъ предметѣ. При этомъ сближенiи Логика является въ глазахъ ученика, не какъ предметъ, могущiй загрузить его память безконечнымъ рядомъ схоластическихъ опредѣленiй — что такое сорить, энтимема, софизмъ и проч., но какъ наука, способная объяснить ему научнымъ образомъ тѣ факты литературы и жизни, которые близко интересуютъ всякаго учащагося дѣльнаго юношу. Чрезъ это Логика представляетъ для ученика живой интересъ и несравненно охотнѣе и серьезнѣе изучается имъ.

Двумъ указаннымъ соображенiямъ, руководившимъ нами при изложенiи психологическихъ фактовъ въ издаваемомъ «Учебникѣ практической Логики» мы придаемъ въ педагогическомъ отношенiи весьма серьезное значенiе. На сколько мы правы здѣсь, предоставляемъ объ этомъ судить другимъ. —

О Г Л А В Л Е Н І Е .

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхождение знанія.

	стр.
Два рода знаній	1
Первоначальные органы знанія: вѣшнія чувства; внутреннее чувство	—
Сознаніе, какъ условіе перехода нервнаго раздраженія въ ощущеніе	2
Понятіе объ ощущеніи	3
Значеніе ощущенія для знанія	4
Переходъ ощущенія въ представленіе	6
Ассоціаціи представленій	7
Законъ ассоціаціи сходства	—
Законъ ассоціаціи контраста	10
Законъ ассоціаціи совмѣстнаго существованія	12
Законъ ассоціаціи послѣдовательности	15
Понятіе о памяти	17

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Процессъ знанія.

Процессъ различенія и отождествленія	18
Отличіе процесса памяти отъ процесса мышленія	20
Понятіе о мышленіи	27

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Образованіе знаній.

ФОРМЫ ЗНАНІЯ:

А) *Понятіе.*

	стр.
Образованіе понятія	29
Понятіе о понятіи	31
Участіе памяти въ образованіи понятія	—
Участіе мышленія въ образованіи понятія	—
Отвлеченіе. Анализъ	32
Раздѣленіе (Классифкація) понятій	—
Признаки понятія существенныя и несущественныя	34
Правила раздѣленія	35
Значеніе анализа и синтеза для развитія знаній	38
Содержаніе и объемъ понятія; взаимное ихъ отношеніе	40
Виды понятій	41
Опредѣленіе	43
Виды опредѣленія	44
Правила опредѣленія	45
Господство памяти въ образованіи понятій	48
Господство мышленія въ образованіи понятій	53
Различіе между представленіемъ и понятіемъ	58

Б) *Сужденіе.*

Форма сужденія	61
Различіе между сужденіемъ и понятіемъ	—
Понятіе о сужденіи	64
Участіе памяти въ образованіи сужденія	—
Участіе мышленія въ образованіи сужденія	66
Виды сужденій по содержанію	—
Виды сужденій по формѣ выраженія ихъ содержанія	—
Виды сужденія по объему подлежащаго	—
Индукція, какъ логическій путь образованія общаго сужденія	67
Господство памяти въ образованіи сужденія	73
Господство мышленія въ образованіи сужденія	76
Сходство и различіе между индукціей и абстракціей	77
Виды сужденій по отношенію сказуемаго къ подлежащему	78
Гипотеза	82
Значеніе гипотезы для развитія знаній	—
Правило построенія гипотезы	83
Аналогія	87
Отношеніе аналогіи къ гипотезѣ и индукціи	92

В) Умозаключеніе (силлогизмъ).

	стр.
Виды умозаключеній.	95
1) Категорическое умозаключеніе. Составъ категорическаго умозаключенія.	—
Построеніе категорическаго умозаключенія. Дедукція.	97
Логическое значеніе силлогизма.	98
Отношеніе дедукціи къ индукціи (силлогизма къ сужденію).	101
Понятіе объ умозаключеніи (силлогизмѣ).	103
Участіе памяти въ образованіи умозаключенія.	—
Участіе мышленія въ образованіи умозаключенія.	104
Господство памяти въ образованіи умозаключенія.	—
Господство мышленія въ образованіи умозаключенія.	106
2) Условное умозаключеніе. Составъ условнаго умозаключенія.	109
Построеніе условнаго умозаключенія.	—
3) Раздѣлительное умозаключеніе. Составъ раздѣлительнаго умозаключенія.	111
Построеніе раздѣлительнаго умозаключенія.	—

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Законъ мышленія.

(Законъ логически-состоятельнаго знанія).

Законъ противорѣчія.	113
Понятіе о логикѣ.	116

ФУНД. В-КА КТ. ИСК. И-ТА №